

КОММЕРЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ XIX в. Е. Л. ФЕЙГИНА

В первой половине XIX в. в экономике России происходил процесс роста деловой активности крупного еврейского предпринимательства, который, несмотря на существование черты постоянной еврейской оседлости, постепенно охватывал и другие регионы страны. В сферу деятельности евреев, помимо традиционных торговли и ремесел, попадает промышленное производство, а также значительные по объему финансовые проекты. Из евреев, особенно активно занимавшихся предпринимательством и достигших на этой стезе значительных результатов, следует выделить черниговского купца 1-й гильдии, а позднее коммерции советника Елиазара Литмана (Лазаря Исааковича) Фейгина. В нашем распоряжении имеются два архивных дела из собрания РГАДА с подлинными и копиями документами, касающимися судьбы и карьеры Фейгина, за 1830–1850-е гг. Они находятся в родовом фонде Воронцовых, поскольку связаны с административной деятельностью М. С. Воронцова в должности новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.

Наиболее ранние материалы, связанные с именем Фейгина, датируются октябрём 1833 г., когда черниговский купец послал начальнику III отделения Собственной е.и.в. канцелярии графу А. Х. Бенкендорфу «Замечания о трех предметах»: об устройстве розничной продажи вина (и ценах на него) в селах, деревнях, хуторах и местечках Малороссии помещиками и казаками; об откупах на продажу водки и вина в Бессарабии; о положении еврейского народа в Российской империи¹. Из письма Фейгина к Бенкендорфу², к которому указанные материалы прилагались, мы узнаем, что еще в 1830 г. купец посылал на имя императора Николая I записку о положении еврейского общества в России и проект о его устройстве³. 7 июля 1831 г. они были переданы на рассмотрение министру внутренних дел графу А. А. Закревскому, а тот, в свою очередь, сообщил Фейгину, что его предложения будут обсуждаться при подготовке нового «устава» — второго «Положения о евреях», который в это время разрабатывал в столице особый Четвертый еврейский комитет (Главный комитет об устройстве евреев); утвержден императором 13 апреля 1835 г.⁴ (Независимо от того, что еврейским вопросом усердно занимались общие правительственные учреждения, в течение почти всего правления Николая I функционировали еврейские комитеты, состоявшие из министров и директоров департаментов и подготовившие обширный законодательный материал.) Позднее, во время пребывания в 1831–1832 гг. в Санкт-Петербурге по торговым делам, Фейгин лично представил правительству ряд своих предложений по новому «Положению о евреях».

«Замечания о еврейском народе» Фейгина 1833 г. проникнуты искренней болью за положение своего народа. (Посылая свою записку Бенкендорфу,

купец надеялся, что тот доведет ее содержание до сведения императора накануне его путешествия в Белоруссию.) Автор отмечает заметное ухудшение жизни евреев в стране, постепенную ликвидацию гражданских прав и «жизненных способов», провозглашенных первым «Положением о евреях», утвержденным Александром I 9 декабря 1804 г.⁵ Особенно это проявилось, по мнению Фейгина, в последние годы, когда евреев открыто обвинили в ритуальных убийствах и употреблении христианской крови. Конкретно перечислены все негативные действия, повлекшие за собой ущемление законных прав еврейского населения России: запрет приема на гражданскую государственную службу, даже временного пребывания во внутренних губерниях, услуг христиан, проживания на содержимых ими самими почтовых станциях и работы поверенными, приказчиками, писарями и ямщиками, приезда в столичные города по торговым или ремесленным делам, постоянного пребывания в г. Риге, выдачи паспортов для проезда в Финляндию, торговли на Сумской и Харьковской ярмарках, проживания в гг. Киеве, Николаеве и Севастополе, в Астраханской губернии и Кавказской области, проживания в селах и деревнях двух малороссийских и двух белорусских губерний и на 50-верстном расстоянии от границ. Фейгин прямо называет все обвинения евреев со стороны правящих кругов «мнимыми». Он отмечает, что главной причиной этих обвинений являются отнюдь не отрицательные качества евреев, а их вера. В качестве доказательства Фейгин приводит последнее по времени положение Комитета министров 1833 г. о высылке из России иностранных евреев, если они не представят удостоверения о крещении. Все гонения российского еврейства также связаны с отказом от перемены вероисповедания; крещение же иудея автоматически снимает с него все прежние ограничения, какого бы «качества» он ни был. (Кстати, позднее семья Фейгина в силу указанных причин перешла в христианство: это произошло после того, как Николай I в 1838 г. приказал выслать из Санкт-Петербурга всех некрещеных евреев, а евреев с просроченными паспортами отдать в Kronштадтские арестантские роты⁶.) В то же время присуждение правительством «к наказанию миллиона людей с потомками их за то, что имеются между ними преступники», видится автору записки безнравственным, тем более неизвестно, пишет он, — «что чему причиной, качества ли евреев стеснению их, или стеснение качествам?»⁷ Таким образом, коммерсант выразил свой протест, обвинив правительство в бессмысленности осуществляемой им политики. По мысли Фейгина, особые уставы и положения, касающиеся одного народа — евреев, в данном случае, — не служат сближению всех народов империи, а напротив, разделяют и, даже, противопоставляют их. В крайнем случае Фейгин предлагает возобновить «весьма справедливое и достаточное» (заметим, даже при наличии ряда серьезных ограничений) «Положение о евреях» 1804 г. с необходимыми дополнениями: регламентировать обучение еврейских детей своим законам, обычаям и религии с подготовкой раввинов и учителей-меламедов, для чего следует открыть училища в гг. Одессе, Кременце и Вильно; еврейских детей, окончивших университеты, принимать на государственную службу наравне с другими; распро-

странить общие законы о метриках, бракосочетаниях и погребениях на евреев; разрешить по крайней мере купцам 1-й гильдии по аттестатам губернских властей проживать и торговать во всех российских городах, включая и столицы. Сочетание этих реформ в сфере просвещения и предпринимательства, по мнению Фейгина, могло бы привести к разрешению хотя бы частично еврейского вопроса в России.

Высоко оценивая данный документ, считаем нужным заметить, что успешное решение любой сложной проблемы зависит от правильного диагноза, оценки корней возникновения того или иного явления общественной жизни. Главной причиной наличия юдофобии в России Фейгин считал религиозную нетерпимость, при этом он явно недооценивал мотивы экономического характера, а именно сильную конкуренцию еврейских предпринимателей на экономическом рынке государства, которая уже к началу XIX в. стала главенствовать по отношению к причинам религиозным. Именно поэтому в его проекте преобладали предложения, касающиеся образовательной стороны проблемы. Таким образом, по проектам Фейгина 1830–1833 гг. в основу преобразований должны были лечь просвещение и производительный труд. Будучи в лоне иудаизма, Фейгин читл Талмуд и именно ссылками на него он пытался опровергнуть возводимые на евреев обвинения. С другой стороны, как некоторые другие еврейские прогрессисты того времени, он считал нужным упразднить органы общинного самоуправления — кагалы, по его мнению, сыгравшие свою роль и ныне тормозившие дальнейшее развитие еврейского общества, поскольку они перешли в руки людей, не имеющих в нем авторитета, неподотчетных, заботящихся о своих личных выгодах и нередко допускавших различные злоупотребления. Он полагал, что управление общественными делами следует вверить выборным представителям городских обществ. В записках Фейгина явственно звучит требование расширения торговых прав евреев и смягчения законодательных ограничений. Как крупный поставщик он пользовался уважением и обладал весом в высших бюрократических сферах, и этим, видимо, надо объяснять настойчивость и смелость, которые он проявил в деле защиты еврейских интересов.

В сентябре 1835 г. Фейгин представил министрам финансов и народного просвещения записку по вопросу об изменении системы образования еврейского юношества, средства на которое можно было извлечь из коробочного сбора — косвенного налога на предметы первой необходимости в соответствии с религиозными требованиями евреев (например, на кошерную говядину) с целью образования специального фонда для расходов на различные общественные надобности: содержание духовенства, молитвенных домов, училищ, больниц, общественных бань; пособие неимущим вдовам и сиротам, погребение бедных; содержание кагала, выполнение общественных нарядов; уплата податей и повинностей за неимущих и увечных, процентов по долгам и пр. Во время разработки положения о коробочном сборе он подал в правительство свою записку с проектом взимания этого налога с еврейских общин⁸. Следует добавить, что Фейгин, пользуясь своими связями, открыто критиковал правительственные круги в предубеждении против еврейского народа; при этом он

не только подавал записки о бедственном его положении, но и лично беседовал об этом с министрами.

Характеристику Фейгина мы начали с анализа его общественной деятельности. Однако представляет интерес и его работа как предпринимателя, карьера и судьба, которые можно проследить по архивным источникам. В этой связи следует подчеркнуть, что весомое участие в жизни коммерсанта сыграл новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов⁹. В сентябре 1834 г. Фейгин обратился к графу с прошением, в котором написал о желании остаться с семьей на постоянное жительство в Одессе и попросил о покровительстве из-за вымогательства местных чиновников, о финансировании предпринятого им строительства карантинных зданий в Одессе, о предоставлении своего черниговского дома высшим чиновникам для отдыха во время поездок на юг и об облегчении положения евреев Николаева и Севастополя (в 1829 г. вышел указ о выселении евреев из этих городов, но уже в 1830 г. николаевские власти, ссылаясь на крайний недостаток в городе ремесленников, просили оставить здесь евреев¹⁰, поэтому им было разрешено временное проживание на Черноморской береговой линии), а также, в который уже раз, о желании облегчить участь всего еврейского народа России¹¹. Содержание письма Фейгина вновь доказывает, что предприниматель не замкнулся на своих личных интересах, что его глубоко волновали вопросы общероссийской жизни евреев, о чем он, имея возможность обратиться к высокому чиновнику, и сообщил в своем послании. Показательно, что прошение купца было приложено к рекомендательному письму министра финансов графа Е. Ф. Канкрин к М. С. Воронцову, в котором Фейгин характеризуется как «человек умный, благонамеренный, деятельный и предприимчивый, который, ежели дела его пойдут удачно, может быть полезен и для Одессы»¹². В октябре того же года граф Воронцов ответил Канкрину, что деятельность Фейгина в Одессе ему хорошо известна и что он будет рад оставить его в этом городе¹³. А двумя годами раньше, как следует из экстракта переписки различных чиновников о нем, тот же Канкрин рекомендовал Фейгина военному министру графу А. И. Чернышеву, отмечая, что купец поставлял по значительно сниженным ценам товары и продовольствие для Варшавских военных госпиталей и, будучи человеком «честным и расчетливым», всегда искал выгоды не только для себя, но и для казны¹⁴. В ответ генерал-адъютант Чернышев написал, что купец Фейгин известен ему по многим подрядам, в том числе в Царстве Польском, и что он готов в необходимых случаях ему покровительствовать¹⁵.

В 1835 г. в жизни поставщика и откупщика Фейгина происходит важное событие. Как явствует из «отзыва» к нему от Е. Ф. Канкрин, граф «в вознаграждение ревностных трудов» купца: «многократные опыты отличного на пользу казны и общую усердия» и «различные предположения и полезные замечания», обратившие на себя внимание правительства, представил его в Комитете министров к званию коммерции советника, которое и было пожаловано ему высочайшим указом в Сенат от 21 июня 1835 г.¹⁶ Заметное содействие оказал Фейгину также государственный канцлер князь В. П. Кочубей,

который наряду с графом Канкриным в 1834 г. рекомендовал купца генерал-губернатору М. С. Воронцову.

В апреле 1847 г. Фейгин вновь обращается с просьбой к М. С. Воронцову с тем, чтобы граф рекомендовал его на должность агента или комиссионера в сфере винопромышленности при Министерстве государственных имуществ, учитывая «долговременную опытность» коммерсанта¹⁷. (Кстати, в своих письмах Фейгин расписывался по-русски, что указывает на его образованность.) Из краткой сопроводительной записки становится известно, что Фейгин содержал питейные откупа с 1819 г., то есть семь четырехлетних периодов¹⁸. Первые четыре периода он почти полностью рассчитался с казной, за исключением небольшого долга по тираспольскому откупу в связи с неурожаем хлеба два года подряд. Однако в дальнейшем наступили трудности в результате различных действий правительства по изменению условий откупов, и в конце 1830 — начале 1840-х гг. Фейгину не удалось избежать крупной недоимки в 1,2 млн руб. серебром. Причем в последние годы, когда многие прошившие льготы откупщики были удовлетворены, Фейгину в них было отказано, в результате чего был подорван кредит и 12 из содержимых им откупов. Самые прибыльные контракты (например, строительство Петербургско-Московской железной дороги) со значительной уступкой были переданы другим, из-за чего долг Фейгина вырос еще на более чем один миллион рублей.

Одновременно он осуществлял проекты и по другим ведомствам. Постановки провианта для Военного министерства, по свидетельству самого министра в феврале 1841 г., сэкономили для казны шесть миллионов рублей. Более того, после утверждения за ним этого подряда коммерсант пожертвовал в казну 700 тыс. руб., а в июне 1845 г. он участвовал в торгах на пристройку к зданию Главного штаба. Вообще участие Фейгина в торгах (и постоянное повышение им предложенной цены) всегда гарантировало государству большие доходы от продажи откупов; в записке указывается сумма в 70 млн руб. за последние восемь лет. Особенно успешными в этом отношении были 1838 и 1842 гг., когда, несмотря на стремление откупщиков снизить продажные цены, из-за действий Фейгина они были вынуждены цены поднять более чем на 50 %¹⁹. На этот факт даже обратили внимание сенаторы. Тем не менее, Сенат распорядился не допускать Фейгина к делам с казной, не заводить новые предприятия без расчета за прежние убыточные. Этому постановлению предшествовал рапорт военного министра Сенату в июне 1844 г., в котором оглашалось устное повеление императора Николая I о запрещении Фейгину вести дела с казной²⁰. Такая резкая перемена в поведении князя А. И. Чернышева по отношению к нему, видимо, удивила коммерсанта, поэтому он обратился к министру с запиской. В ответ же получил в октябре 1844 г. уведомление от директора канцелярии Военного министерства, в котором говорилось, что инициатором запретительных мер выступил не министр, а лично монарх, и что какие-либо прошения или записки от Фейгина больше рассматриваться не будут²¹.

Потерпев неудачу в Военном министерстве, Фейгин обратился к министру финансов графу Ф. П. Вронченко с просьбой создать для разбора его дела особую комиссию и доложить императору доказательства его невиновности.

В июле 1846 г. Вронченко послал отношение петербургскому обер-полицеймейстеру, в котором просил довести до сведения предпринимателя императорскую резолюцию: «Подтвердить Фейгину, чтобы не смел впредь повторять своих просьб под опасением строгого взыскания как с ябедника»²². Таким образом, пройдя все возможные инстанции, Фейгин везде получил отказ, несмотря на его былые заслуги в российской коммерции. По предположению самого Фейгина, причиной гнева императора стало то, что он перепутал фамилию «Фейгин» с похожей фамилией другого купца, избалованного в неблагоприятном поступке. Нам же кажется, что с Фейгиным просто свели счеты, использовав удачно подвернувшийся момент, за его смелые и прямые критические высказывания в адрес власти предрержащих, за неоднократные ходатайства об облегчении положения еврейского населения Российской империи. Как бы там ни было, с этого времени ему так и не удалось окончательно поправить пошатнувшиеся торговые дела, и он потерял почти все свое состояние.

И позднее Фейгин не раз обращался в высокие инстанции с предложениями о совершенствовании организации питейных откупов (за счет введения акцизной системы в виноторговле вместо акцизно-откупного комиссионерства), что привело бы к значительному увеличению доходов для государственной казны. В декабре 1855 г. и феврале 1856 г. предприниматель обращался в Департамент государственной экономии к уже знакомому ему генерал-адъютанту светлейшему князю М. С. Воронцову, наконец, непосредственно к уже следующему императору Александру II, предлагая раскрыть « всю подноготную истину по предмету питейного сбора, которого изучил до основания », отмечая при этом, что руководствуется исключительно интересами государства, а не получением выгод «от гнусных откупов»²³. Надо сказать, что и в этот период он продолжал заниматься общественной деятельностью, например, с 1852 г. состоял членом Петербургского городского Общества посещения бедных, состав которого был высочайше утвержден.

Фейгин заручился поддержкой министра путей сообщения генерал-адъютанта К. В. Чевкина, несмотря на то, что в 1841 г. подверг резкой критике мнение последнего о постройке Николаевской железной дороги, предлагая вести линию из Одессы или другого города Южной России. По признанию самого коммерсанта в письме к М. С. Воронцову, в 1836 г. он был просто «помешан на предприимчивости строить в России железные дороги»²⁴. 3 апреля 1856 г. Фейгин снова обратился к императору, что было вызвано серьезным расстройством его финансового положения и желанием принести пользу государству. Предприниматель сообщил, что запрещение его предшественника на троне распространялось только на вхождение «в новые обязательства с казною» и подачу жалоб о претензиях на казну, но «вовсе не простиралось на запрещение мне представлять замечания и вообще оказывать правительству услуги, за которые его величество удостоил меня званием коммерции советника»²⁵. Фейгин попросил монарха избавить его от «тягостного бездействия» и допустить к предстоящим торгам на питейные откупа. К сожалению, соответствующий документ в архивном деле отсутствует, поэтому императорская резолюция нам неизвестна.

Резюмируя все вышесказанное, мы вправе констатировать, что такая незаурядная личность в среде еврейских предпринимателей, как Елиазар Исаакович Фейгин, оставила заметный след не только в истории экономики России, но также в истории российского еврейства первой половины XIX в. Не вызывает сомнения и тот факт, что общественная и коммерческая деятельность Фейгина разворачивалась при непосредственной поддержке графа, а затем светлейшего князя М. С. Воронцова, который осуществлял в подведомственном ему крае политику, направленную на развитие свободной торговли при умеренном государственном протекционизме и активном привлечении еврейского предпринимательства²⁶.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2398. Л. 1–15. См.: *Дубнов Ш.* Евреи в России в эпоху европейской реакции (1815–1848) // *Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков: Сб. тр. еврейских историков.* М.; Иерусалим, 1995. С. 361–362.

² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2398. Л. 3–3 об., 14.

³ См.: *Гессен Ю. И.* 1) Забытый общественный деятель: Записка купца Фейгина на имя имп. Николая I // *Еврейская старина.* 1911. Вып. 3. С. 394–402; 2) *История еврейского народа в России.* Т. 2. Л., 1927. С. 8–10, 62, 71, 82.

⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т. 10. СПб., 1836. № 8054.

⁵ Там же. Собр. 1. Т. 28. СПб., 1830. № 21547.

⁶ См.: *Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем.* Т. 15. СПб., [1913]. Стб. 199; *Гессен В. Ю.* К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины. От первых евреев до XX века. СПб., 2000. С. 37, 40.

⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2398. Л. 8.

⁸ См.: *Гессен Ю. И.* К истории коробочного сбора в России // *Еврейская старина.* 1911. Вып. 3. С. 325–326.

⁹ См.: *Фельдман Д. З.* 1) Князь М. С. Воронцов и еврейский коммерсант Е. Л. Фейгин: 20 лет знакомства // *Воронцовы — два века в истории России: Тр. Воронцовского общества.* Вып. 4. Петушки, 1999. С. 139–149; 2) *Страницы истории евреев России XVIII–XIX веков: Опыт архивного исследования.* М., 2005. С. 258–268.

¹⁰ ПСЗ. Собр. 2. Т. 5. СПб., 1831. № 3703.

¹¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2406. Л. 2–3.

¹² Там же. Д. 2398. Л. 18; Д. 2406. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 2398. Л. 18.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ Там же. Л. 17 об.

¹⁶ Там же. Л. 18 об., 29.

¹⁷ Там же. Л. 16.

¹⁸ Там же. Л. 19–22 об.

¹⁹ Там же. Л. 28 об.

²⁰ Там же. Л. 29 об.

²¹ Там же. Л. 29 об.–30.

²² Там же. Л. 30 об.

²³ Там же. Л. 23–26 об., 31–39 об.

²⁴ Там же. Л. 27 об.

²⁵ Там же. Л. 28.

²⁶ См.: *Фельдман Д. З.* 1) М. С. Воронцов и еврейское население Южной России в первой половине XIX в. // *Воронцовы — два века в истории России: Тр. Воронцовского общества.* Вып. 5. СПб., 2000. С. 86–100; 2) Крымские караимы при генерал-губернаторе М. С. Воронцове // Там же. Вып. 6. Петушки, 2001. С. 146–157.

А. А. Журавлев

К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА ИНОСТРАННЫМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

На протяжении XVIII–XIX вв. происходило расширение границ Российской империи. В ее состав входили новые территории на западе, юге и востоке. Население, проживающее на присоединенных территориях, либо переходило в российское подданство, либо покидало прежние области проживания. Для освоения новых территорий правительство приглашало в страну переселенцев из Западной Европы, а также предпринимателей для развития торговой, финансовой и промышленной деятельности.

В течение XIX столетия российское правительство меняло свое отношение к иностранным предпринимателям. В первой половине XIX в. государство заняло протекционистскую позицию по отношению к российским предпринимателям. В начале XIX в. были приняты законодательные акты, которые положили начало ограничению деятельности иностранных предпринимателей в стране. Манифест Александра I «О даровании купечеству новых выгодах, отличиях и преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» ограничил права иностранных купцов, ведущих торговую, финансовую или промышленную деятельность в пределах Российской империи. Так, иностранные купцы, не присягнувшие на вечное подданство России, не имели права записываться в купеческие гильдии, и тем самым производить предпринимательскую деятельность в стране. Их деятельность облагалась к тому же повышенными налогами¹.

Иностранные купцы были поставлены перед сложным выбором: либо сменить подданство, либо прекратить предпринимательскую деятельность в России. Многие из них решали этот вопрос в пользу смены подданства. Так, например, поступил известный предприниматель Л. И. Штиглиц, числившийся гамбургским гражданином, а 21 января 1808 г. принявший российское подданство². О том, что иностранные предприниматели стремились изменить свой статус, свидетельствует тот факт, что только в 1807 г. об этом подали прошения около 250 чел. Среди них были П. Ф. Клейн, Е. И. Лампе, Л. Б. Миллер, Я. Н. Молво, А. А. Ралль и другие³.

В середине XIX столетия в юридической практике использовались три основных понятия: подданство, гражданство и занятие промыслами. Самой низшей формой было занятие промыслами. Оно рассматривалось как совокупность прав по занятию торговлей и промыслами. Это значительно уже понятия